Земля спасения и последний век. Мифологическая реакция на эпидемию в республике Алтай

В шаманской логике вирус может восприниматься как невидимый, более сильный, чем человек, опасный агент, но в то же время он является частью природной реальности. Поэтому в контексте эпидемии запускаются не только охранительные, но и коммуникативные обменные ритуальные практики: по отношению к вирусу используются давно известные мифологические модели и практики коммуникации с духами. Как и в случае негативного для человека действия духов пандемия трактуется как ситуация дисбаланса, нарушения нормы отношений между разными мирами, для исправления чего и требуется проведение ритуала.

ЦСП «Платформа» в рамках своей инициативы «Социологический антикризисный центр» продолжает серию экспертных публикаций о восприятии эпидемии COVID-19 в российских регионах. Республика Алтай до 16 апреля была последним регионом, не затронутым вирусом. Об особенностях социальной ситуации в Республике Алтай, реактуализации мифологических представлений и связанных с ними практик рассказывает социальный антрополог Дмитрий Доронин, научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики «ШАГИ» РАНХиГС.

В последние два месяца пандемии «сетевая реакция» (фейки, шутки, панические, псевдоэкспертные и конспирологические обсуждения и страхи в интернете) становится предметом пристального внимания социальных антропологов, исследователей сетевого фольклора и фольклора катастроф. В докладах группы МАФ (ШАГИ) многообразие этой реакции анализируется через выявление основных её типов: например, тексты стандартных «сетевых страхов», общие для большинства, если не всех охваченных пандемией регионов, могут рассматриваться как страхи «эпидемиологического апокалипсиса», «цифрового апокалипсиса» и «экономического апокалипсиса».

Однако, помимо типичных черт, в отдельных регионах может быть значимой и специфическая реакция. Так, в Республике Алтай особенности культуры коренного населения (религиозные и мифологические её составляющие) стали основой «мифологической реакции». В ней можно выделить два основных аспекта.

Знаки конца

Ожидание эпидемии и её начало на Алтае актуализировало традиционные эсхатологические представления, в частности, о знаках *калгачы чак* – «последнего века» (алт.). Такую мифологическую реакцию можно также рассматривать как местный пример «фольклора катастроф», поскольку она регулярно возникает в ответ на всякое крупное катастрофическое (природное и социальное) событие не только на самом Алтае (землетрясения, наводнения, аномальный град, вырубка леса), но и далеко за его пределами (война в Украине, лесные пожары и пр.). Катастрофы интерпретируются как знаки наступления *калгачы чак* и выстраиваются в ряд эсхатологических стихий (*айгулов)*.

Проявляясь как эсхатологический знак, катастрофа воспроизводит и другие мифологические представления как интерпретации происходящего – так мифологическая реакция усиливает саму себя. Реакция кумулятивно усиливается, если подряд случается несколько крупных событий, как это и случилось на Алтае. Так, в 2003 году произошло Чуйское землетрясение магнитудой 7,3 балла, в 2012 году, в год возвращения на Алтай «принцессы Укока», землетрясение меньших масштабов. В 2014-м – катастрофический паводок и аномальный разрушительный град. В 2019 году по Сибири прокатились опустошительные лесные пожары, на Алтае тайга горит и сейчас.

Не охватывая всего населения, мифологическая реакция становится всё же весьма распространённым и заметным социальным явлением – от устных слухов (*табыш*) до обсуждения в соцсетях и заявлений религиозных лидеров и *неме билер улус* – «знающих людей» в СМИ. Наиболее типична она среди коренного населения (тюркских народов Алтая) – шаманистов и сторонников алтайской «Белой веры», но выплёскивается и за границы республики. Такие выплески, которые можно назвать «протуберанцами реакции», были особенно заметны в 2012-ом году, когда люди из других регионов РФ и стран Европы,

ожидавшие скорого конца света, съезжались на Алтай поближе к горе Белуха и строили себе бункеры. Это явление, хоть и в меньшей степени, наблюдалось во время нынешнего кризиса.

Гетеротопия спасения

Ожидание эпидемии и сам факт того, что Республика Алтай оказалась последним регионом страны без вируса, актуализировали мифологические представления об Алтае как земле исключительного статуса, чрезвычайно важной для всей планеты.

Широко распространённые среди алтайцев представления об Алтае как *јердың киндиги* — «пупе земли» или центре, сердце Земли, представления о республике как земле, которая охраняет и спасает и которую, соответственно, надо хранить и спасать («то, что случается на Алтае — отражается затем на всей планете») оказались подтверждёнными этим случайным (или не случайным, с точки зрения верующих алтайцев) событием.

Мифологическая реакция развивалась в этом случае по следующей логике. «То, что случается на Алтае — отражается затем на всей планете». Но что случилось на Алтае сейчас? Алтай оказался последней сохранившейся «чистой землёй», какой он и воспринимается в мифологических представлениях шаманистов и сторонников Белой веры. Это актуализировало как представления о духовных хранителях Алтая (его духи-хозяева — *ээзи*, божество *Алтай Кудай*, «алтайская принцесса»), так и призывы и практики его ограждения.

Такая мифологическая реакция проявлялась в разных социальных стратах и этноконфессиональных группах в каждом случае со своей спецификой: так, медийные личности (депутат Курултая или известный городской религиозный лидер) обращаются к «алтайской принцессе» как легитимирующему сверхъестественному авторитету.

В отличие от мифологической реакции местных «политических верхов» в «низовой, вернакулярной среде» (алтайские блоггеры,

молодёжные национальные группы) обсуждения могут запускаться геополитическими опасениями, связанными с возможной катастрофической депопуляцией алтайцев и утратой республики статуса региона. Мифологические представления об исключительности Алтая как «земли спасения» гибридизируются здесь с охранительным дискурсом коренных малочисленных народов. Итогом становятся практики **прямого, «физического ограждения»** Алтая – петиции и письма от граждан к властям о закрытии границ республики, практики осуждения, ограждения и надзора применительно к спасающимся на Алтае «COVID-беженцам» из других регионов.

Идеи **ритуального, «символического ограждения»** Алтая становятся актуальными в мифологической реакции религиозных лидеров (шаманов и жрецов-jарлыкчы «Белой веры») и их последователей. Шаманские оградительные обряды *курчу* (создания защитного пояса-*кур* вокруг Алтая и его народа), традиционные общинные моления *мӱргӱӱль*, о значении которых закономерно вспоминают в ожидании и наступлении эпидемии, соседствуют с экологическим дискурсом, призывами к народу, а также с трансформированными (применительно к вирусу) приёмами ритуальной коммуникации.

В шаманской логике вирус может восприниматься как невидимый, превышающий человека силами, опасный агент, но в то же время он является частью природной реальности. Поэтому в контексте эпидемии запускаются не только охранительные, но и коммуникативные обменные ритуальные практики: по отношению к вирусу используются давно известные мифологические модели и практики коммуникации с духами. Как и в случае негативного для человека действия духов пандемия трактуется как ситуация дисбаланса, нарушения нормы отношений между разными мирами, для исправления чего и требуется проведение ритуала.

Таким образом, мифологическая реакция не ограничивается лишь реактуализацией эсхатологических представлений, но и включает в себя представления и практики вокруг Алтая как «земли спасения». Ведь вслед за *калганчы чак* наступает следующая, светлая эпоха, в которой предстоит жить выжившему остатку

людей и животных.